

Елена Витюгова

Я буду дышать...

Иногда, чтобы жить дальше,
нужно просто сделать вдох.

18+

Елена Витюгова

Я буду дышать...

«Автор»

2026

Витюгова Е.

Я буду дышать... / Е. Витюгова — «Автор», 2026

Она потеряла его внезапно. Один миг - и мир перестал быть прежним. Дни тянулись, как бесконечная зима, а сердце не верило в утро. Но даже после самой тёмной ночи пробивается свет. Шаг за шагом, вдох за вдохом она учится жить заново. Не забывая. Не предавая. Просто - дышать.

© Витюгова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Часть 1.	7
Пустота	7
Глава 1	8
Анна	8
Глава 2	12
Анна	12
Глава 3.	16
Марк	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Витюгова

Я буду дышать...

Посвящение

Моему мужу. Тому, кого я люблю и всегда буду любить. И тем, кто учится дышать заново.

Пролог

Солнце заливало комнату. Анна проснулась и впервые за долгое время не закрыла глаза, прячась от света.

Она просто лежала и смотрела, как солнечные лучи скользят по стене, по старой фотографии на тумбочке. Джеймс улыбался с того снимка, с их последнего отпуска. Море, солнце, его счастливое лицо.

Она улыбнулась в ответ. Тихо. Пальцы на миг коснулись стекла — привычный жест, который теперь не рвал сердце, а просто согревал.

Она встала, и босые ноги коснулись прохладного пола. На кухне она налила себе кофе. Горьковатый запах разлился по комнате, смешиваясь с утренней свежестью из приоткрытой форточки. В доме больше не было той тягучей, давящей тишины. Только утро. Только свет.

Она подошла к окну. Её взгляд остановился на вишнёвом дереве у забора. Он посадил его в первый год их жизни в этом доме, в их доме. Оно росло медленно, ягод было мало, но он любил его.

Теперь дерево стояло чуть подсохшее. Но снизу, у самых корней, пошли молодые побеги. Свежие, зелёные. Они пробивались из земли, несмотря на то что старый ствол выглядел уставшим.

Анна смотрела на них и думала о том, как странно устроена жизнь. Как что-то исчезает, но оставляет после себя ростки. Как память становится не только болью, но и почвой для чего-то нового. Человек уходит, а след его остаётся. Не только в саду, не только в вещах — в её памяти, в её сердце. И это не делает боль меньше. Но делает её светлее.

Она сделала глоток кофе. Кружка обожгла ладони — тем самым теплом, от которого когда-то хотелось убежать. Теперь она просто держала её и чувствовала, что внутри что-то отпустило. Не до конца. Не навсегда. Но достаточно, чтобы дышать глубже.

В дверь позвонили. Звонок прозвенел резко и звонко, разорвав утреннюю тишину. Анна вздрогнула от неожиданности, потом улыбнулась своей реакции, поставила кружку на стол и пошла открывать.

На пороге стоял Марк. С полевыми цветами в руках. Он стоял в утреннем свете, улыбался спокойно и тепло, и в его глазах была только тихая радость.

— Привет, — сказал он, улыбаясь. — Я приехал, чтобы забрать тебя. На прогулку. Погода сегодня хорошая. — и добавил: — Если ты не занята.

Она посмотрела на цветы, потом на него, улыбнулась в ответ и сказала:

— Я не занята.

Она взяла цветы и поставила их в стеклянную вазу на столе, которая давно ждала, чтобы в ней появилась жизнь. Наспех, но бережно. Она вышла за ним, и закрывая калитку, на мгновение задержала взгляд на вишнёвом дереве. На молодых побегах у корней. Улыбнулась и пошла дальше.

Она не знала, что их ждёт впереди. Не знала, будет ли у них с Марком что-то настоящее. Но она знала одно: она больше не убегает от жизни. Она дышит — свободно и легко.

Часть 1.

Пустота

«Горе — это не просто печаль. Это ампутация. Часть тебя отрезана, и ты чувствуешь фантомную боль.»

Неизвестный автор

Глава 1

Анна

Дождь начался в четыре. Анна стояла у окна, прижав ладонь к холодному стеклу, смотрела, как серая пелена затягивает небо, и чувствовала странное облегчение. Солнце последние недели было невыносимым — оно лезло в глаза, напоминало о жизни, которая продолжалась, но уже без него. Дождь был честнее. Он не требовал радоваться, не заставлял чувствовать вину за то, что она ещё дышит. Он просто был — ровный, холодный, бесконечный.

Теперь работа стала её убежищем. Это был тот мир, в котором она чувствовала себя уверенно. Здесь, среди чужих голосов, стука клавиш и монотонного гула кондиционера можно было притворяться, что ничего не случилось. Что она вернётся домой, а там всё будет по-прежнему. Что он будет ждать её на кухне с чашкой чая и той самой улыбкой, от которой у неё внутри всё переворачивалось.

Анна задержалась допоздна. Не потому что было много дел — она просто не хотела возвращаться в пустой дом. Время тянулось медленно, но она не торопилась. Спешить было некуда. Дома никто не ждал. Тишина, которая когда-то была наполнена его голосом, его шагами, его присутствием, теперь давила на плечи.

Выходя из офиса, она накинула капюшон и пошла через парковку. Плащ промок почти сразу — ткань потяжелела, прилипла к телу, но она не ускорила шаг. Холодные капли падали на лицо, смешиваясь с тем, что она не хотела показывать никому.

Она села на водительское сиденье, захлопнула дверцу, и тишина в салоне стала плотной. Она сжала руль, чувствуя, как пластик холодит ладони. А ведь совсем недавно он держал его в своих руках.

Первое время она боялась садиться за руль этой машины. Ей казалось, что она вторгается в его пространство, что она занимает место, которое принадлежало только ему. И это место всё ещё хранило его присутствие.

Стекло запотело и Анна смотрела, как крупные капли стекают по нему, оставляя за собой мокрые дорожки.

В машине ещё пахло им. Почти растворившийся, но всё ещё живой запах, который держался за обивку, за воздух, за тишину, которую он оставил после себя. Она не хотела, чтобы этот запах исчезал. Если он исчезнет — его станет ещё меньше. А ей и так казалось, что он уходит с каждым днём. Она вдыхала его, закрывая глаза, и чувствовала, как внутри разливается тягучая, горькая волна.

Она помнила, как Джей держал этот руль. Как он смотрел на неё, когда она рассказывала ему что-то смешное, как его глаза светились, а улыбка касалась губ. Как он брал её за руку и держал в своей ладони, крепко, но бережно. Она помнила его руки, его тепло, его дыхание, его голос. Забыть всё это было страшнее всего.

Пальцы скользнули по приборной панели. Погладили пластик. Глупо. Но это всё, что у неё осталось. Только память.

Она не включала радио — не могла. Раньше музыка была частью её жизни. Теперь же любая мелодия казалась ей чужой. Она напоминала о том, что мир продолжает звучать, а она — нет.

Дождь усилился. Анна завела двигатель, включила печку. Потянулась к рычагу фар — и на секунду замерла. Воспоминание пришло само собой — из того времени, когда она ещё не знала, что жизнь может разделиться на «до» и «после».

Они были на свадьбе друзей. Шумный зал, смех, музыка, гости. Анна стояла у бара, когда Джей подошёл сзади, обнял за талию, наклонился к её уху и сказал:

— Выходи за меня.

Она не расслышала. Обернулась.

— Что?

— Вы-хо-ди за ме-ня, — повторил он громче, почти по слогам, глядя ей прямо в глаза.

Она застыла. Всё вокруг перестало существовать. Он смотрел на неё, улыбаясь, как будто ничего особенного не произошло. И она почувствовала, как сердце бешено забилося в груди.

— Что ты сказал? — переспросила она тихо, хотя расслышала прекрасно.

— Будь моей женой, Анна. Я хочу, чтобы мы были одной семьей.

Он не торопил её, не отводил взгляда. Он просто был рядом и ждал, пока она сама поймёт, что уже знает ответ.

— Я согласна, — она произнесла это, и в ту же секунду почувствовала, как его руки сжали её плечи, как он притянул её к себе и поцеловал в лоб. А затем взял за руку и повёл к столу, где сидели их друзья. Остановился и сказал громко, чтобы все услышали:

— Она сказала «да».

Все закричали, засвистели, захлопали. Кто-то поднял бокал, кто-то обнимал их, кто-то смеялся. А Джей смотрел на неё так, будто она была единственным человеком в этом зале.

Анна вынырнула из воспоминания и снова увидела перед собой мокрое стекло. Дворники мерно скользили по нему, отгоняя воду, и этот звук возвращал её в реальность. Губы дрогнули в слабой, почти невесомой улыбке.

— Вот чудак, — прошептала она. — Предложение на чужой свадьбе. Ты не умел выбирать моменты, Джей. Ты просто брал и делал то, что считал нужным.

Улыбка погасла, не успев появиться.

— А я так и не научилась жить без тебя.

Она положила голову на руки, обхватившие руль, чувствуя, как пальцы дрожат. Минута прошла в тишине. Потом она выпрямилась, включила поворотник и выехала с парковки.

Дорога домой была пустой. Анна почти не замечала её — только свет фар, отражающийся в мокром асфальте и капли дождя, разбивающиеся о стекло.

Дома она медленно разделась, повесила мокрый плащ на крючок в прихожей. Прошла на кухню. Открыла холодильник. Внутри стояли йогурты, которые она купила неделю назад. Они всё ещё были там. Она закрыла дверцу. Открыла снова. Есть совсем не хотелось.

Она сварила кофе. Села за стол, обхватила кружку ладонями, чувствуя, как керамика обжигает пальцы. Напротив стоял его стул. Она смотрела на него и почти видела его там — с любимой чашкой в руках, с той улыбкой, которая всегда успокаивала её. На мгновение Анна закрыла глаза и позволила себе представить, что он сидит на этом стуле. Что он скажет что-то простое, как раньше. Но когда открыла глаза, стул был пуст. И молчание в комнате стало ещё тяжелее. Она сделала глоток кофе, потом ещё один — и наконец заговорила:

— На улице дождь, — начала она вслух, её голос прозвучал глухо, почти невесомо. Она замолчала, прислушиваясь к тишине. Затем продолжила: — Ты бы обрадовался. Ты всегда говорил, что дождь очищает. В офисе было шумно, но я не слышала никого. Хелен звала на обед, я отказалась. Я вообще много от чего отказываюсь, Джей.

Она сделала ещё глоток. Кофе горчил. Она пила его без сахара.

— Ник звонил вчера. Он устроился на работу. Наконец-то нашёл то, что ему нравится, — лёгкая улыбка тронула уголки её губ и тут же исчезла.

Она замолчала, глядя в кружку. Кофе остывал, и она чувствовала, как тепло уходит сквозь пальцы.

— Я не сказала ему, что мне всё ещё плохо. Он не должен этого знать. Он счастлив, я это слышала по голосу.

Она снова подняла глаза на пустой стул.

— Я не имею права рушить его жизнь.

Кружка опустилась на стол. Она посмотрела на свои руки.

— Я хочу к тебе, Джей, — она сделала паузу, чувствуя, как в горле сжимается комок. —

Честно. Я так устала. Я так хочу, чтобы всё закончилось.

Она замолчала и в тишине было слышно, как дождь стучит по стеклу.

— Но я не могу.

Она сомкнула пальцы в замок.

— Наш сын... Ник. Он уже взрослый. Скоро у него будет своя семья, дети. Я не могу оставить его одного. Он теперь единственное, что держит меня здесь.

Анна опять взглянула на пустой стул.

— Но что мне делать с этой пустотой? — её голос дрогнул. — Что делать, Джей?

Она провела ладонями по лицу.

— Ты забыл оставить мне инструкцию. Ты всегда всё знал. Где что купить, как починить кран, как быть счастливым.

Последние слова она почти выдохнула — без надежды, без злости. В этих словах была только бесконечная усталость.

Она опустила голову на руки. Не плакала — слёзы кончились полгода назад. Просто дышала. Тишина была плотной, почти осязаемой.

Потом она поднялась и прошла в спальню. Остановилась у его фотографии на тумбочке. Провела пальцами по стеклу. Его лицо на снимке было живым — он смеялся, и в его глазах был тот самый свет, который она помнила так отчётливо, будто он смотрел на неё сейчас.

Она взяла фотографию в руки, коснулась губами холодного стекла и задержалась на мгновение, словно ждала, что он ответит. Потом поставила на место.

— Спокойной ночи, Джей.

Стекло хранило молчание.

Анна переоделась и легла в кровать. Шторы в их спальне были задёрнуты — с тех самых пор, как его не стало. Она не любила солнце. Оно заставляло её чувствовать себя виноватой за то, что она жива.

Она обняла подушку и вспомнила, как он обнимал её со спины, как прижимал к себе, как целовал в макушку перед сном. Она чувствовала его тепло, его дыхание, его присутствие. Теперь рядом был только холод.

— Я люблю тебя, Джей, — прошептала она в темноту. — И буду любить всегда.

Но ответа снова не последовало.

Анна почувствовала, как звенящая тишина обволакивает её. Она не могла привыкнуть к этой тишине, она просто смирилась с ней, как с неизбежностью. Она закрыла глаза. Ей хотелось исчезнуть, просто раствориться в этой пустоте.

Вдруг телефон завибрировал и на экране высветилось имя — Клэр. Ей хотелось проигнорировать, не отвечать на звонок. Но она знала, что Клэр не отстанет. Она взяла трубку.

— Алло? — ответила она глухо, почти безжизненно.

— Анна, привет! Как ты? — голос Клэр был звонким, как обычно. Она говорила так, будто у неё внутри работал мотор.

— Как всегда, — Анна помедлила. — Ничего нового.

Клэр замолчала на мгновение. Потом продолжила тише:

— Я понимаю... — она снова сделала паузу. Анна слышала её дыхание в трубке.

— Слушай, я звоню по делу. У меня же через две недели день рождения. И я сняла уютный домик за городом. Представляешь — озеро, лес. Там тихо. Не будет громкой музыки, если ты не хочешь. Немного людей. Я хочу, чтобы ты приехала. Очень.

Анна молчала. Ей хотелось сказать «нет», просто положить телефон и забыть о звонке. Но что-то внутри помешало ей сделать это.

— Анна? — в голосе подруги послышалась робость.

— Я не хочу, Клэр, — ответила она ровно, но в её словах проскользнула немая усталость. Она сжала телефон в руке, чувствуя, как пластик нагревается от её пальцев.

— Я знаю, — отозвалась Клэр, и в её интонации появилась та мягкость, которая появлялась только когда она касалась чего-то хрупкого. — Я знаю, Анна.

Клэр замолчала на секунду, затем продолжила. — Но я люблю тебя. Я очень хочу тебя увидеть. Живой. Хотя бы на один вечер.

Снова тишина в ответ.

— Ты сидишь в своём доме, ты разговариваешь с его фотографией, я понимаю. И я не осуждаю.

Клэр перевела дыхание.

— Но, Анна... Джеймс бы хотел, чтобы ты жила.

— Ты не знаешь, что бы он хотел, — жёстко перебила Анна. — Ты не знаешь его.

Она выдохнула и продолжила чуть спокойнее:

— Я устала слышать, что он бы хотел. Я устала от того, что кто-то думает, что знает его лучше меня. Его нет. И никакое «он бы хотел» не вернёт мне его.

Клэр промолчала.

— Может быть, я и не знаю, — сказала она наконец. — Но я знаю тебя. И я хочу, чтобы ты сделала это хотя бы для меня. Просто приехала. Посидеть. Сменить обстановку. Подышать свежим воздухом.

Анна посмотрела на фотографию Джеймса. Он всё также улыбался ей. Она закрыла глаза на мгновение.

— Хорошо, — ответила она тихо. — Я приеду.

— Правда? — голос Клэр ожил, в нём появилась та лёгкость, которую Анна так хорошо знала. Она почти видела её улыбку на том конце провода, её сияющие глаза.

— Правда. Но я не обещаю, что буду веселиться и делать вид, что ничего не произошло.

— Я ничего и не прошу. Просто приезжай. Я отправлю адрес. — она помедлила. — Анна, спасибо тебе.

— Спокойной ночи, Клэр. — Анна поспешила закончить этот разговор.

— Спокойной ночи. Люблю тебя, — донеслось из трубки.

Но Анна уже сбросила вызов и положила телефон на тумбочку.

— Дурацкая идея, — сказала она, обращаясь к фотографии.

Анна повернулась на бок и закрыла глаза. Дождь барабанил по крыше — ровно, монотонно. Холод из приоткрытого окна касался её лица. Она слушала дождь и ей казалось, что он смывает этот день, унося его с собой. Этого было достаточно, чтобы заснуть.

Глава 2

Анна

Дни тянулись медленно, почти незаметно, сливаясь в один серый поток. Анна перестала замечать их границы. Она просыпалась, ехала на работу, возвращалась домой, принимала душ, ложилась спать. Всё повторялось снова и снова, как заезженная пластинка. Она уже начала надеяться, что Клэр забудет о своём приглашении. Но за два дня до своего дня рождения подруга прислала сообщение с адресом и короткой припиской: «Я буду ждать тебя. Пожалуйста, приезжай».

Анна, вздохнув, ответила: «Хорошо. Я приеду» — и на мгновение замерла, глядя на экран телефона. Рука дрогнула, когда она нажимала «отправить». Галочка на сообщении подтвердила доставку, и Анна почувствовала, как липкий страх сдавил грудь. Теперь назад дороги нет.

В день рождения Клэр стояла душная погода, которая обычно бывает только в начале лета, когда земля ещё не прогрелась, но воздух стал уже тяжёлым. С самого утра небо было бледным, словно выцветшим, солнце пряталось за лёгкой дымкой. Даже ветер, который иногда пробегал по улице, не приносил прохлады — только сухой жар и запах нагретой травы. Анна ощущала эту духоту кожей, и ей казалось, что дышать становится всё труднее.

Она пошла в душ, подставила лицо под струи, и позволила воде стекать по её волосам, плечам, спине. Ей хотелось, чтобы вода смыла всё — эту тяжесть, эту пустоту, и эту необходимость куда-то ехать. Но вода просто стекала в слив. Она долго стояла под водой, пока пар не заполнил всю ванную, а зеркало не запотело, скрыв её отражение. Она смотрела на размытый силуэт в тумане и чувствовала, что так даже лучше — не видеть себя. Когда она закрыла кран, тишина ударила по ушам — резкая, непривычная после шума воды. Она стояла, слушая, как капли падают с волос на кафель, и не могла заставить себя выйти из душа. Ей казалось, что если она шагнёт за порог, придётся жить дальше. А она не знала, как.

Завернувшись в махровое полотенце, она прошла в спальню и села на край кровати. Тело было тяжёлым.

Анна долго сидела и смотрела перед собой, не в силах пошевелиться. Она знала, что нужно сушить волосы, наносить крем, выбирать одежду, но все эти действия казались ей теперь бессмысленными. Зачем? Для кого? Она всё равно не хотела, чтобы её кто-либо видел.

Наконец она встала и открыла шкаф. Платья висели неподвижно — она не трогала их уже давно. Рука сама потянулась к лёгкому шифоновому макси чёрного цвета с мелким цветочным принтом. Платье было воздушным, струящимся, почти невесомым.

Анна сняла его с вешалки, но прежде чем закрыть шкаф, её взгляд остановился на рубашках Джеймса. Они всё ещё висели там — аккуратно, на своих местах, будто он мог вернуться и надеть их. Она провела пальцами по рукаву одной из них — голубой, в которой он был с ней в последний раз — на свадьбе своего племянника. Ткань была мягкой, почти живой. Она поднесла рукав к лицу и вдохнула. Запах почти исчез — только лёгкий отголосок того, что когда-то принадлежало ему. Ей показалось, что если она закроет глаза, он будет рядом. Она зажмурилась, но ничего не изменилось. Она по-прежнему была одна.

Анна закрыла шкаф, оделась и подошла к зеркалу. Нанесла на губы прозрачный блеск, тщательно замаскировала консиллером тёмные круги под глазами. Отражение смотрело на неё — красивое, но безжизненное. Ей не хотелось видеть этот потухший взгляд. Не хотелось видеть

себя такой - пустой, сломленной, потерянной. Она напоминала себе безликую тень. А ведь когда-то в ней горел огонь жизни. Теперь же от неё осталась лишь оболочка.

Она отвела глаза от своего отражения в зеркале и пальцы сами потянулись к шее, к золотому кулону. Он лежал на груди — лёгкий, тёплый. Анна помнила тот день, когда он подарил его. Она тогда просто сказала, между прочим, разглядывая витрину с ювелирными украшениями: «Красивый». И забыла про этот момент. А он запомнил. Через месяц - на ее день рождения, Джеймс протянул ей коробочку из красного бархата, внутри которой лежал тот самый кулон. Она сжала его в ладони, чувствуя, как золото нагревается от её пальцев.

Она сделала глубокий вдох и вышла из дома. На пороге Анна остановилась, посмотрела на небо и тихо сказала:

— Пожелай мне удачи.

Она не знала, кому это говорит. Ему. Себе. Пустоте. Но слова повисли в воздухе.

Анна вызвала такси и стояла у калитки, ожидая машину. Вокруг было тихо. Она смотрела на дорогу и не понимала, зачем согласилась. Зачем едет туда, где ей будет плохо? Но ответа не находила. Только глухое чувство обязанности перед подругой.

Когда такси подъехало, Анна села на заднее сиденье и пристегнулась. Водитель спросил адрес, она назвала его сухо, без лишних слов. Машина тронулась, оставляя позади пустую улицу, её дом, её привычную тишину.

Водитель мельком глянул на неё в зеркало заднего вида, но не сказал ни слова и она была благодарна ему за это молчание.

Машина выехала за город - пейзаж за окном начал меняться. Сначала потянулись длинные бетонные заборы, потом редкие деревянные дома, потом бесконечное поле, уходящее к горизонту. Анна смотрела на небо — оно становилось шире, светлее, но было всё таким же бледным, будто выцветшим на солнце.

Она взяла телефон. Открыла галерею. Нашла фото — их с Джеймсом. Они стояли на открытой террасе их дома, он обнимал её за плечи, она смеялась. Её лицо было живым, глаза блестели. Анна смотрела на это фото и не узнавала себя. Где та женщина? Куда она исчезла? Она не нашла ответа. Только закрыла галерею и убрала телефон в сумку.

За окном замелькали стволы сосен — высокие, прямые, как свечи. Она смотрела на лес, который бежал за окном, и думала о том, как давно она не была на природе. Среди деревьев. Где воздух пахнет по-другому — не офисом, не городской пылью, а чем-то настоящим. Она приоткрыла окно, и в салон ворвался влажный, легкий прохладный ветер с запахом хвои и мокрой травы. Она вдохнула глубоко, и на секунду ей показалось, что внутри что-то встрепенулось — и тут же исчезло. Она сделала еще один глубокий вдох, но лёгкие так и не наполнились. Внутри была всё та же пустота. Она закрыла глаза и прислонилась головой к стеклу.

Когда такси остановилось у деревянного двухэтажного дома, Анна на миг замерла. Она стояла у калитки, сжимая в руке пакет с подарком, и чувствовала, как внутри всё сжимается. Как будто она переступала порог не дома, а чужой жизни. Снаружи было тихо — только ветер в кронах и плеск воды где-то рядом. Озеро угадывалось за деревьями. Но стоило ей подойти ближе к дому, как изнутри послышалась музыка. Громкая. Она ударила по ушам, и Анна вздрогнула.

Клэр обещала тишину.

Она открыла дверь — и её накрыло. Гул голосов, смех, звон бокалов. Она замерла на пороге, чувствуя себя так, будто вошла в чужой мир. И ей в нем не было места. Люди толпились в гостиной, танцевали, стояли у бара. Кто-то обнимался в углу. Кто-то смеялся, запрокинув голову, кто-то размахивал руками, рассказывая что-то. Она смотрела на лица — чужие, незнакомые. Все они были здесь. Жили. Дышали. Чувствовали. А она ощущала только тяжесть в груди и желание исчезнуть.

«У нас тоже так было, — мелькнуло в голове. — Мы тоже стояли вот так, ты шептал мне что-то смешное, а я смеялась, утыкаясь тебе в плечо.»

Она прошла через толпу, чувствуя себя невидимкой. Чужой на этом празднике жизни. С отсутствующей улыбкой. Словно призрак на дне рождения.

Клэр нашлась в центре комнаты — в бумажной короне, с блестящими глазами и бокалом в руке. Она была эффектной блондинкой с короткой стрижкой, и вся её фигура, поза, улыбка говорили о том, что она знает, как быть в центре внимания. Она была счастлива. По-настоящему. Беззаботно.

Увидев подругу, она бросилась к ней.

— Анна! — Клэр обняла её и прижала к себе. — Ты приехала! Я так рада!

Анна почувствовала запах её духов, смешанный с алкоголем. Обняла в ответ коротко, будто боялась, что этот контакт обожжёт её.

— С днём рождения, — сказала она, протягивая пакет. — Держи, это тебе.

Клэр развернула бумагу и на мгновение замерла. В руках у неё оказался винтажный альбом для фотографий. Переплёт из мягкой кожи цвета тёмной вишни, с золотым тиснением по краям. Изящный, почти антикварный. Клэр провела пальцами по обложке, потом открыла. На первом развороте её ждала надпись, выведенная аккуратным каллиграфическим почерком: «Лучшей подруге. Пусть каждый кадр напоминает тебе о том, как ты прекрасна. С днём рождения».

Клэр задержала дыхание. Она смотрела на альбом, водила пальцами по тиснению. Анна видела, как та прочитала надпись, и на мгновение ей показалось, что Клэр сейчас заплачет. Но Клэр взяла себя в руки, подняла глаза на подругу и спросила:

— Ты заказала его специально для меня, да?

Анна кивнула. Клэр прижала альбом к груди, и на её лице появилась та тёплая, настоящая улыбка, которую Анна так редко видела в последнее время.

— Это самый лучший подарок, что у меня был за последние годы. Спасибо тебе, дорогая.

Клэр обняла Анну — крепче, чем обычно — так, будто хотела передать ей что-то важное через это прикосновение. А когда отстранилась, взяла с подноса бокал с шампанским и вручила его ей.

— За нас, — сказала Клэр, поднимая свой бокал. — За мою лучшую подругу. За то, что мы есть друг у друга.

Она чокнулась с Анной и сделала глоток. Анна поднесла бокал к губам, но пить не стала. Она смотрела на Клэр, на её счастливое лицо, на её лёгкость — и чувствовала, как внутри поднимается тихое осознание того, что она сама уже не будет такой. Никогда.

Клэр не заметила её молчания — её уже позвали другие гости. Она засмеялась, чмокнула Анну в щёку и исчезла в толпе.

Анна осталась стоять с бокалом в руке. Она смотрела, как пузырьки поднимаются к поверхности, и думала о том, что даже они движутся вверх, к чему-то. А она застыла. И не знала, как сдвинуться с места.

Музыка давила. Голоса сливались в один гул. Она видела пару в углу — мужчина что-то шептал женщине на ухо, та смеялась, прижималась к нему. И это было невыносимо — смотреть на чужую близость, когда своя осталась только в памяти. Анна чувствовала, как в груди разрастается пустота, и каждый новый вздох давался тяжелее.

«Я не могу здесь больше находиться», — подумала она.

Шампанское стало тёплым, Анна поставила его на стол и вышла на веранду. Втянула носом лесной воздух, закрыла глаза и попыталась успокоиться. Музыка всё ещё долетала через открытые окна. Анна достала телефон, открыла приложение такси. Свободных машин не было. Обновила — пусто. Ещё раз — ни одной. Вечер, загород, суббота — все машины заняты. Попробовала вызвать через другое приложение — тот же результат.

Никто не едет.

Она смотрела на экран, на пустой список водителей, и внутри поднималась немая злость. Ей некуда было деваться. Она была заперта здесь, среди этих людей, этой музыки, этого праздника жизни, в котором она не участвовала.

Она снова набрала номер, и в трубке раздался ровный голос: "Свободных машин нет. Повторите попытку позже".

Анна стояла на веранде, сжимая телефон в руке. Она не могла оставаться в доме, но и не могла уехать. Тогда она просто спустилась по деревянным ступенькам и пошла вниз, к озеру.

Доски поскрипывали под ногами — старые, выбеленные солнцем, с трещинами, в которых застрял песок. Она ступала медленно, боясь оступиться, но дело было не в этом. Она просто не хотела возвращаться в дом. Каждый шаг отдалял её от музыки, от голосов, от этой чужой жизни.

У самой воды она остановилась. Озеро лежало перед ней — тёмное, почти чёрное, без единой ряби. Небо на глади воды казалось бесконечным, перевёрнутым. Анна стояла и смотрела на эту зеркальную поверхность, и ей казалось, что она смотрит в пустоту. Она сняла босоножки, положила их на примятую траву и подошла к самой кромке воды, чувствуя как прохлада поднимается по босым ногам и распространяется по всему телу. Она смотрела на воду и думала, что достаточно всего несколько шагов — и всё закончится. Не будет больше этой боли, этой пустоты, этого ожидания. Но она быстро отогнала от себя эту мысль. Анна сделала медленный шаг вперёд и маленькая волна коснулась ее пальцев.

Где-то за спиной всё ещё гудела вечеринка. Но всё это казалось ей далёким, как воспоминание о прошлой жизни. Анна села на песок, обхватив колени руками. Подол платья расправился по песку, и она не заботилась о том, чтобы он не испачкался. Ей было всё равно.

Она сидела так долго, пока воздух не стал прохладным, а на небе не зажглись первые звёзды. Она не знала, сколько прошло времени. Она понимала, что этот вечер — очередная попытка вернуться к прежней жизни, которая снова не удалась.

Она смотрела на воду и думала: что будет завтра? А что — через месяц? А через год? И не находила ответов. Она вообще не видела себя в будущем. Теперь она жила одним днем.

И в этот момент озеро было единственным местом, где она чувствовала себя почти нормально. Здесь не нужно было притворяться. Здесь никто не смотрел на неё. Здесь она могла просто быть. Не делать вид, что она жива.

Она сидела на песке, слушая, как вода касается берега — тихо, ровно, как будто озеро дышало вместе с ней. И в этом ритме не было ничего лишнего, кроме тишины. И она чувствовала, что это единственное, что ей сейчас нужно.

Глава 3.

Марк

Он приехал, когда вечеринка уже набрала обороты. Марк припарковался на гравийной дорожке рядом с домом, среди других машин. Заглушил двигатель и вышел из машины. Воздух снаружи был влажным, душным, пахло соснами и нагретой травой. Из открытых окон доносились музыка — басы, женский смех, звон бокалов. Он не любил первые часы вечеринок — когда люди ещё не расслабились, когда все говорят слишком правильно и улыбаются слишком вежливо. Он любил, когда уже шумно, когда музыка перекрывает голоса, когда можно войти и сразу стать своим. Или чужим — как захочется.

Он вошёл в дом, и его окружил гул голосов и смеха. Здесь воздух был густым и тяжёлым от запаха алкоголя и духов. Кто-то танцевал в центре гостиной, кто-то стоял у бара, перебивая музыку.

Он прошёл внутрь, кивнул некоторым знакомым, перекинулся парой фраз с коллегой из другого отдела — тот что-то рассказывал про новый проект, но Марк слушал вполуха. Он заметил несколько любопытных женских взглядов, направленных в его сторону. Он знал, что выглядит хорошо — строгий серый костюм, расстёгнутая верхняя пуговица рубашки. Он настолько привык, к женскому вниманию, что уже не придавал этому значения.

Марк отыскал Клэр у импровизированной барной стойки — в какой-то нелепой короне, сделанной из бумаги. Она стояла с бокалом шампанского в руке, и слегка двигала бёдрами в такт музыке. Они работали в одной компании, и, несмотря на то, что он занимал более высокую должность, это никогда не мешало их дружбе. Она была одной из немногих, кто мог подколол его без оглядки на статус, и он ценил это в ней — её лёгкость, беззаботность и умение оставаться собой. Он подошёл ближе, обнял её и по-дружески поцеловал в щёку.

— С днём рождения, Клэр.

— Марк! — она засияла. — Я так рада видеть тебя!

Он улыбнулся, наклонился к её уху и сказал негромко:

— Подарок уже на твоей банковской карте.

Она успела ахнуть, а он, чуть помедлив, добавил:

— Ты будешь рада ещё больше, когда увидишь.

Он подмигнул ей. Клэр, прижав руку к груди, звонко рассмеялась и бросилась ему на шею.

— Марк! Ты не перестаёшь меня удивлять!

Она чмокнула его в щёку, отстранилась и вдруг, словно вспомнив невзначай, выпалила:

— Ой! Я же хотела тебя кое с кем познакомить.

Он не успел ответить, а Клэр уже тащила его в сторону, где только что стояла Анна.

— Моя подруга. Ты ей понравишься, я знаю.

В голосе Клэр слышалась уверенность, будто она уже всё решила за них.

Марк усмехнулся, не придавая этому особого значения. Они работали вместе уже несколько лет, и Клэр никогда не пыталась свести его с кем-то. Поэтому её слова — «Ты ей понравишься, я знаю» — заставили его на мгновение задуматься.

— И где же она? — спросил он.

Клэр оглянулась по сторонам, но подруги уже не было на том месте.

— Она скорее всего вышла на веранду, — сказала Клэр с ноткой досады. — Я поищу её. Ты только не уходи, хорошо?

— Не уйду, — пообещал он, хотя уже через минуту забыл о её словах.

Вечер тянулся. Духота не спадала — даже когда гости начали расходиться по комнатам, воздух оставался тяжёлым и липким. Марк чувствовал усталость. Не от вечеринки — от работы, от разговоров, от города, который даже ночью не давал покоя. Он вышел на улицу — просто чтобы остыть перед сном. Он не искал никого. Он хотел только одного — чтобы мир на мгновение затих.

Он пошёл к озеру. Ноги в дорогих туфлях сразу промокли от росы. Трава была мокрой и холодной, она касалась щиколоток. Где-то вдалеке кричала ночная птица, и этот звук разносился над водой. Марк снял туфли, взял их в руку и пошёл босиком. Песок был влажным, прохладным, и было приятно — ощущать его под ногами. Воздух пах водой и вечерней свежестью — что создавало контраст той духоте и запаху алкоголя, которые остались в доме.

Озеро лежало перед ним — чёрное, гладкое, почти стеклянное. Лунная дорожка дрожала на поверхности, и казалось, что можно пройти по ней на другую сторону. Он перевёл взгляд на берег и увидел её. Она сидела у самой кромки воды, обхватив колени руками, и смотрела вдаль. Тёмное платье, распущенные волосы, почти сливающиеся с ночью. Она выглядела так, будто была частью этого озера — такой же тихой, такой же недостижимой.

Он понял, что это она. Та самая подруга Клэр, с которой он так и не встретился в доме — она исчезла прежде, чем он успел её увидеть. Он даже не знал, как её зовут. Но она была здесь одна, на берегу, и, казалось, не замечала никого вокруг. Он привык, что женщины обращают на него внимание — взглядами, улыбками, лёгкими прикосновениями. Эта же смотрела в темноту, и даже не обернулась. Он усмехнулся про себя — таких он ещё не встречал. Ему стало интересно, что заставило её сбежать сюда.

Он подошёл ближе и начал расстёгивать пуговицы на рубашке. Она резко повернула голову, услышав его шаги, и сразу перевела взгляд на его руки.

— Что ты делаешь? — спросила она слегка нахмурясь.

— Собираюсь искупаться, — сказал он небрежно, стянул рубашку с плеч и бросил её на песок. Потом, не раздумывая, расстегнул брюки и снял их, оставшись в одних боксерах. Марк на мгновение задержал взгляд на ней. Она же смотрела на него так, будто ждала объяснения.

— Жарко, — сказал он, словно оправдываясь, а затем добавил: — Вода, должно быть, холодная. Может, составишь компанию?

Она даже не шевельнулась. Просто смотрела на него без интереса, не отводя взгляда.

— Я не купаюсь, — сказала она. — И уж тем более не собираюсь составить тебе компанию.

Он усмехнулся, но не обиделся — скорее заинтересовался. Она это заметила и почувствовала раздражение. Он шагнул в воду, и холод обжёг кожу. Он выдохнул, привыкая, чувствуя, как вода охлаждает ноги, как поднимается к коленям, к бёдрам. Он постоял так мгновение, потом, обернувшись к ней, с лёгкой улыбкой плеснул водой в её сторону.

Она даже не шевельнулась. Посмотрела на него холодно, безразлично.

— Очень смешно, — сказала она ровно, без единой эмоции.

Он ухмыльнулся, нырнул, и на мгновение мир исчез — остались только глухой звук, темнота и прохлада. Через несколько минут он вынырнул, тряхнул головой, стряхивая воду, и глубоко выдохнул.

Затем вышел на берег, капли стекали по его плечам и груди, переливаясь в лунном свете. Он подошёл к ней, присел на песок рядом — так, будто имел на это полное право.

Она посмотрела на него с удивлением и лёгким недовольством. Он заметил это.

— Что? — спросил он, чуть приподняв бровь. — Чем ты так недовольна?

Она не ответила, продолжая сверлить его взглядом.

— Здесь не написано, что это место твоё, — сказал он спокойно. — И я могу сидеть, где захочу.

Она молчала. Ветер касался её волос, и на мгновение до него донёлся лёгкий запах — что-то цветочное, едва уловимое, смешанное с ночной прохладой. Она смотрела на него с вызовом, который он не мог понять.

— Я могу просто молчать. — продолжил он и ухмыльнулся.

Она отвела взгляд. Они сидели молча. Только ветер шумел в соснах. И в этой тишине было что-то странное, почти таинственное.

— Я Марк, — сказал он после долгой паузы. — А ты?

Она медленно повернула голову. В свете луны он увидел её глаза — зелёные, глубокие, сливающиеся с ночной темнотой. И в них не было ни капли интереса к нему.

— Я не знакомлюсь, — сказала она сухо. — И моё имя тебе ни к чему.

— Почему?

— Потому что я не хочу знакомиться. Ни с тобой, ни с кем-либо другим.

Она говорила спокойно, без злости, без вызова. Просто констатировала факт. И это задело его больше, чем любые колкости. Он хотел ответить — может быть, пошутить, парировать, сказать что-то лёгкое, что вернуло бы всё в привычное русло. Но не нашёл слов. Только смотрел на неё, чувствуя, как тишина между ними становится всё плотнее.

Она поднялась первой. Отряхнула песок с платья — медленно, не глядя на него. Он подумал, что она сейчас скажет что-то — резкое или колкое. Но она просто повернулась и пошла к дому, не оглядываясь. Её босые ноги ступали по песку, и он смотрел, как она уходит, пока её силуэт не скрылся в темноте.

Он сидел на песке, и не понимал, что произошло. Она даже не сказала ему своего имени, не задержала взгляда. Ей было всё равно. И именно это его зацепило.

Он посмотрел на тёмную воду и ощутил нечто странное — будто она забрала с собой что-то, чего он сам в себе не замечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.